

Книги вразнос.

Что у нас переводят. И как.

[278]

ил 2/2019

Экспресс-рецензии ДАШИ СИРОТИНСКОЙ

ТАРА ВЕСТОВЕР *Ученица* / Перевод с английского Т. Новиковой. — М.: Бомбора, 2018

Перед нами книга, которая в англоязычном мире уже стала событием, — как о подлинном литературном откровении отозвались о ней, например, Билл Гейтс и Барак Обама. На русском же языке она вышла совсем недавно — и теперь у нас, помимо прочего, есть возможность примерить на себя литературные вкусы выдающихся людей, что, согласитесь, довольно увлекательно. В сущности, история, которую рассказала Тара Вестовер, создана для того, чтобы стать бестселлером (ведь современное искусство вообще ориентировано на проблемы и психологию молодежи): это история успеха, история преодоления детских страхов и травм, о значении которых в нашей жизни теперь так полюбили к месту и не к месту рассуждать. Для ценителей “жизненности” дополнительный аргументом в пользу знакомства с “Ученицей” явится то, что книга эта автобиографическая. Не только героиня Тары Вестовер, но и она сама выросла в семье мормонов, среди людей, что со дня на день ожидают конца света и в связи с этим отличаются не только

многочисленными странностями, но подчас и небывалой жестокостью. Кто-то сравнит героиню “Ученицы” с Ломоносовым и помянет прославленный обоз с рыбой, кто-то иронически назовет ее “Золушкой от образования”, кто-то искренне ей восхитится — и все будут правы. Мода на истории про сильных духом и верных себе людей не пройдет никогда, — тем более если они рассказываются не свысока, не от скуки, не в тоне “почивания на лаврах”, но искренне, что называется, “на нерве”, “в режиме реального времени”. Меня в этой книге тоже восхитило кое-что — правда, не то, что сюжетные дороги привели, как в замок прекрасного принца, в Кембридж. Тара Вестовер изобразила свою прежнюю полудикую жизнь, свое почти языческое слияние с природой с такой нежностью и поэтичностью, — с таким сожалением! — что это не может оставить равнодушным. Кроме того, понадобилась не только авторская, но и переводческая тонкость, чтобы передать средствами языка то, как меняется, развиваясь, сознание человека, как мир начинает играть новыми красками для того, кто его изучает. Но и читателя, и саму героиню до самого конца не оставляет вопрос: не утратила ли

она мудрость в погоне за знанием? Взамен смешных параллелей с Золушкой и Ломоносовым на ум начинают приходиться уже менее забавные — библейские, например. При этом все они, разумеется, иллюзорны: никакой настоящей художественной глубины здесь нет и быть не может — non-fiction, как-никак. Но не тем ли нравятся нам и сама книга, и ее героиня, что они хороши “от природы”?

Мег Розофф *Джастин Кейс* / Перевод с английского М. Сарабьяновой. — М.: Белая ворона, 2018

В основе этого романа лежит действительно блестящая задумка. Страх столкновения с недружелюбием действительности и, в частности, парализующий ужас перед неуправляемой судьбой, которая каждую минуту готовит нам всевозможные опасности, — беда многих молодых людей, о которой пишут достаточно часто, но, пожалуй, не так остро, как Мег Розофф. Английская писательница запугала своего героя до такой степени, что он решил обмануть судьбу, устроив маскарад, — сменить имя, обзавестись новыми привычками и вообще превратиться по большому счету в другого человека. Все это звучит как абсурд, фантазмагория — и так оно у Мег Розофф и получилось. В отличие от предыдущей книги, происходящее в этом романе подчеркнуто условно. И с какой же радостью ты погружаешься, наконец, в мир, полный игры авторского воображения! Кста-

ти о выдумках: птицы, животные и бессловесные младенцы в этой книге не только разговаривают, но и ставят в тупик своей подчас странной и все же абсолютно безупречной логикой, — точь-в-точь как в сказках, хотя перед нами вовсе не сказка. Откровенная несуразность точки зрения, как обычно, превращает сложную философскую проблему в наглядную схему, и в конце концов потешная паранойя Дэвида перестает казаться нам чем-то таким, с чем мы сами уже давно справились. Жаль только, что в переводе не удалось сохранить симпатичный каламбур, который так подкупает в английском названии. В оригинале оно состоит из трех слов: “Just in case” — и сперва прочитывается как общеизвестное английское выражение (“на всякий случай”), а уж потом складывается в псевдоним, который сочинил для себя Дэвид: “Джастин Кейс”. В остальном же переводчик не пасует — благо, язык Розофф особенно замысловатым не назовешь. В данном случае этому стоит порадоваться: ведь хотелось бы, чтобы роман действительно дошел до своей целевой аудитории.

Фредрик Бакман *Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения* / Перевод со шведского К. Коваленко. — М.: Синдбад, 2018

Из всех переведенных на русский язык романов Фредрика Бакмана книжка про бабушку — моя любимая. Это вовсе не означает, что мне вообще нравятся его книги — скорее

наоборот; просто из всех именно эта представляется мне наиболее оригинальной — и еще, на мой взгляд, она серьезнее и глубже остальных. В ней нет диснеевской схематичности сюжета (хотя Бакман это любит) и нет почти никакого сходства со статьей по социологии (хотя Бакман любит и это) — перед нами предельно конкретные отношения двух конкретных персонажей, бабушки и внучки. В том, что касается создания ярких и интересных характеров, Бакман новатор так себе: бабушка, говоря кратко, “курит трубку”, а девочка — именно такая, какой должна быть девочка, если она героиня мудрой и трогательной книжки. То есть “умна не по годам” и вообще “не такая, как все”. Переводчица ловко придает повествованию стандартную “детскую” интонацию (эдакое пророческое присюсюкивание), и читается книжка в итоге, что называется, “живенько” — свежо, но без излишнего блеска. Ровное, приятное бакмановское тепло — ради него ведь и покупают, за него и любят, не так ли? У бабушки и внучки есть еще выдуманная страна, из которой девочке, ясное дело, необходимо выкарабкаться после бабушкиной смерти, чтобы осознать, что

настоящая жизнь ничем не хуже вымышленной. Вот и газета-землячка “Norrköpings Tidningar” написала про Бакмана, что он сочинил “лучшую в мире книгу для чтения вслух во время рождественских каникул”, чем, мне кажется, сослужила ему дурную службу. Теперь все сведется к фотографированию “Бабушки” в пышных складках клетчатых пледов, усыпанных мандариновыми корками и крошками от имбирного печенья. А между тем, если очистить ее от всей этой умильной шелухи, выяснится, что рассказывает она об одной из самых страшных вещей в жизни каждого молодого (и в первую очередь молодого!) человека: о неминуемом и приближающемся с каждым днем расставании с любимыми людьми. О том, какую роль играют в нашей жизни родные, и о том, как мало мы их знаем, сколько бы ни старались узнать. И то, что все это облечено в форму такого вот леденца, отнюдь не означает, что этой проблеме недостает жесткости — тут, я думаю, никто спорить не будет. Но только вот почувствуете ли вы тоже, каким ледяным холодом сквозит из-под этих пряничных строчек — или мне самой просто стоит укутаться потеплее и съесть мандарин-другой?